

УДК 159.9.01

*Г.С. Прыгин***СОЗНАНИЕ И ВРЕМЯ. ОБЪЕКТИВНО ЛИ СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ**

Исследуются проблемы сознания времени с позиции философии, физики и психологии; утверждается, что именно такая последовательность анализа позволяет выявить собственно психологический аспект проблемы объективности сознания времени, составляющий цель исследования. Анализируются философские концепции сознания времени И. Канта, Э. Гуссерля и Ф. Brentano, а также физические теории исследования времени (квантовая физика, космология, физика неравновесных процессов). Установлено, что в философских теориях понятия *сознание, память, восприятие, представление* и другие не имеют чётких дефиниций и могут менять смысл в зависимости от контекста. Подчеркивается, что *время* в физических, и в гуманитарных науках время исследуется, как правило, в связи с понятием «пространства». Показано, что при анализе проблемы сознания времени следует вначале определиться с понятием *реальность*, что позволит снять противоречия в понимании времени в разных физических теориях.

Делается вывод: о существовании объективного и субъективного времени можно говорить, только оперируя понятиями, вне которых само понятие «время» имеет значение только тогда, когда личность рассматривается как часть социума. Показано, что по отношению к коллективному и личному *бессознательному* временные модусы «прошлого», «настоящего» и «будущего» не имеют смысла, поскольку «всё многообразие всего» в поле бессознательного представлено одновременно и внепространственно.

Ключевые слова: сознание, субъективное время, объективное время, феноменология, пространство-время, ретенция, протенция, модусы времени, реальность.

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-2-177-188

«Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко?
Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать?
... Что же такое время?
Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время;
если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю...»

[Бл. Августин, *Исповедь*. с. 183, гл. XIV]»

Эта цитата из «Исповеди» бл. Августина лучше всего характеризует фундаментальную проблему, стоящую перед человечеством не одну сотню лет: проблему времени – и эти вопросы, несмотря на достижения современной науки (прежде всего – физики и химии), по-прежнему не получили однозначного ответа. Действительно, феномен времени, вероятно, самый загадочный из всех, стоящих перед человечеством. Отчасти это объяснимо тем, что практически каждый человек в течение жизни (хотя бы потому, что все мы смертны), задавал себе вопрос: «что же такое время?».

Чтобы попытаться понять и оценить достижения науки в решении проблемы сознания времени, необходимо (как минимум) коротко проанализировать развитие взглядов на эту проблему с позиции философии, физики и психологии. Полагаю, что, именно такая последовательность в анализе указанной проблемы позволит *выявить собственно психологический аспект проблемы объективности сознания времени*, который и представляет цель исследования.

С философской точки зрения наибольший интерес в исследованиях времени представляют труды великих философов: И. Канта, Ф. Brentano, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра и др. Не имеет смысла подробно останавливаться на полном анализе всех теорий времени указанных авторов; при желании подробнее ознакомиться с ними, можно обратившись к первоисточникам, или к философам, посвятившим их анализу и толкованию большую часть своей научной деятельности, в частности, например, к работам В.И. Молчанова [12; 13]. Однако, для дальнейшего понимания и обоснования своих гипотез необходимо все же осветить некоторые из основных положений этих теорий.

Итак, кардинальные вопросы, на которые пытается ответить философия: как мы осознаем *время* и обладает ли сознание (шире – психика) какими-то темпоральными атрибутами? Заложена ли в нем изначально способность определять такую временную характеристику, как «длительность», и можно ли каким-то образом ее измерять; что представляет собой точка «Теперь» («миг настоящего») и пр.?

В.И. Молчанов пишет, что И. Кант подходит к исследованию времени с функциональной точки зрения, поскольку его больше интересует не то, как человек осознает время, а то, какие функции оно выполняет в процессе познания. По И. Канту, познание проявляется прежде всего в продуктивном синтезе воображения, органически связанном с синтезом схватывания в созерцании (аппрегензией), синтезом воспроизведения в воображении и синтезом рекогниции в понятии [12]. При этом под синтезом в общем смысле И. Кант подразумевает «акт (Handlung) (22) присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином знании. Такой синтез называется ч и с т ы м , если многообразие дано а priori (как многообразие пространства и времени), а не эмпирически. Раньше всякого анализа представления должны быть уже даны, и ни одно понятие по содержанию не может возникнуть аналитически. Знание впервые производится синтезом многообразия (будь оно дано эмпирически или а priori); первоначально это знание может быть еще грубым и спутанным и потому нуждается в анализе, но тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, собирает элементы в форму знания и объединяет их в известном содержании. Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний» [11. С. 118].

В своем основном произведении (см. раздел «Трансцендентальная эстетика») И. Кант характеризует время и как «чистую форму чувственного наглядного представления», и как «субъективное условие, под которым осуществляются в нас все наглядные представления» [11. С. 84]; оно не приобретается в результате интеллектуального опыта человека, а дано ему изначально *a priori*. Время – это форма нашего внутреннего состояния, внутреннего чувства в процессе осуществления наглядного представления. Более того, по И. Канту, «*время есть лишь субъективное условие* (здесь и далее выделено мной. – Г.П.) нашего (человеческого) *наглядного представления* (которое всегда существует в чувственной форме, т. е. поскольку мы подвергаемся воздействию со стороны предметов) и *само по себе, вне субъекта, есть ничто*. Тем не менее в отношении всех явлений, следовательно, также в отношении всех вещей, которые могут встретиться нам в опыте, оно необходимым образом имеет объективное значение» (Там же. С. 87).

Уже в этих суждениях И. Канта заложена мысль о том, что при анализе времени следует разграничивать две области его проявления: внутреннюю, относящуюся к сознанию (шире – к психике) человека; и внешнюю, относящуюся к объективной действительности (представленную в виде объектов и явлений способных воздействовать на наши органы чувств). Далее он пишет: «...наше истолкование устанавливает эмпирическую реальность времени, т. е. объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам. А так как наше наглядное представление всегда имеет чувственный характер, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, не подчиненный условию времени. Наоборот, *мы отнимаем у времени всякое притязание на абсолютную реальность* (выделено мной. – Г.П.), так как оно при этом /абсолютно принадлежало бы вещам как условие или свойство их, даже и помимо формы нашего чувственного наглядного представления... В этом именно состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного наглядного представления, /вовсе не существует и не может быть причислено к предметам самим по себе (без отношения к нашему наглядному представлению) /ни как субстанция, ни как свойство» (Там же. С. 88).

Фактически точку зрения И. Канта в отношении времени можно (образно) сформулировать так: «есть субъект – есть время, нет субъекта – нет времени», или более точно: «...у времени остается эмпирическая реальность как условие всякого нашего опыта, и только абсолютной реальности на основании приведенных выше соображений признать за ним нельзя. / Оно есть не более как форма нашего внутреннего наглядного представления. Если отвлечься (*wegnimmt*) от специального (*die besondere*) условия нашей чувственности, то исчезнет также понятие времени; / оно (время. – Г.П.) *стоит в связи не с самими предметами, а только с субъектом, который /его представляет* (выделено мной. – Г.П.)» (Там же. С. 89).

Чтобы ознакомиться с сутью концепции сознания времени Ф. Brentano, воспользуемся комментариями Р.А. Громов к его работе «Психология с эмпирической точки зрения. Книга вторая (избранные главы)». В частности, он отмечает, что взгляды Ф. Brentano на *сознание времени* в процессе его исследовательской деятельности претерпели существенные изменения. Если вначале Ф. Brentano развивал концепцию сознания времени на основе учения об *ощущении предшествующего, как виде фундаментальных психических актов*, то в последующем (1894–1895 гг.) он отказался от концепции ощущения и возвратился к объяснению темпоральных различий, как «*выражения разных способов суждения*» [3].

Однако в начале XX в. он рассматривает проблемы сознания времени уже на основе учения о *темпоральных модусах представлений*, рассматривая время как континуум отношений и различий в перспективе «раньше-позже, до-после», полагая, что восприятие темпорально определенного объекта всегда происходит в системе указанных временных различий, при этом нечто схватывается как настоящее лишь в горизонте прошедшего и будущего, а момент «Теперь» представляет собой временную границу между модусами прошлого и будущего. Поскольку любая граница требует различения, то сознание времени проявляет себя «сознанием целого континуума временных различий и определений, любое из которых мыслимо лишь как часть целого» [3. С. 622].

На этом этапе Ф. Brentano рассматривает временные различия не как следствие изменения первично представляемого объекта, а как результат *изменения способов психического отношения к нему*, т. е. в своем представлении объекта я отношусь к нему или как к настоящему, или как к только что прошедшему и т. д.

Описав коротко общие положения концепции сознания времени Ф. Brentano, выделим наиболее существенный для дальнейшего анализа тезис, в котором он говорит о том, что *«будущее в целом, как и все отдаленные части прошлого, представимы лишь понятийно, несозерцательно»* (здесь и далее выделено мной. – Г.П.). *...Мы получаем их (темпоральные определения. – Г.П.) подобно другим определениям из конкретных видов опыта, с которых начинается возникновение нашей психической жизни»* [3. С. 112]. (К этому важному тезису мы вернемся позже).

Рассмотрим далее, как анализирует время Э. Гуссерль. В лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени Э. Гуссерль, в отличие от И. Канта, ставит задачу найти такие первичные формообразования сознания-времени, «в которых интуитивно и непосредственно конституируются первичные различия временного как изначальные источники всех очевидностей, относящихся ко времени» [10. С. 11], причем к таким временным различиям он относит *длительность, последовательность, одновременность, настоящее, прошлое и будущее*.

Проводя феноменологический анализ времени, он, очевидно разделяя взгляды И. Канта, пишет о том, что следует четко различать два подхода к изучению времени: первый – это исследование времени как объективного явления с возможностью объективно измерять временные интервалы или отклонения от них; второй – феноменологический, связанный, прежде всего, с исследованием переживаний времени в их предметном смысле и дескриптивном содержании (отмечу, что под феноменологией Э. Гуссерль понимает науку об исследовании сознания, при этом способы проверки ее результатов основаны на опыте самого сознания). *«Посредством феноменологического анализа нельзя обнаружить даже самую малость объективного времени»* (здесь и далее выделено мной. – Г.П.). «Первичное временное поле» не есть некоторая часть объективного времени, переживаемое *Теперь*, взятое как таковое, не есть точка объективного времени и т. д. Объективное пространство, объективное время и вместе с ними объективный мир действительных вещей и процессов – все это трансценденции... И *порядок связей, которые могут быть обнаружены в переживаниях как подлинных имманентностей, не встречаются в эмпирическом, объективном порядке, они не согласуются с этим порядком»* [10. С. 8].

В наиболее обобщенном виде суть концепции времени Э. Гуссерля формулирует во введении к его «Феноменологии времени» В.И. Молчанов: «Первичной темпоральной структурой акта сознания является, по Гуссерлю, удержание первичного сознания *Теперь*, или *Теперь-точки*, в постоянно изменяющемся континууме, так называемом шлейфе ретенций, который присоединяется к первичному впечатлению или импрессиональному сознанию. Соответственно, к *Теперь-точке* «присоединяется» не только первичная память (*ретенция*), но и первичное ожидание, или предвосхищение, *протенция*. Структура *ретенция-теперь-протенция* лежит в основе описания темпорального характера восприятия и памяти (но не является ими. – Г.П.), которая, как воспроизводящая память, радикально отличается от *ретенции*. *Ретенция* рассматривается не только как фундаментальная структура акта сознания, в которой устанавливаются те или иные временные различия, но и как основа рефлексии» [10. С. xi].

В концепции сознания времени Э. Гуссерль вводит также понятия «абсолютного потока сознания» или «абсолютной субъективности», смысл которых следует пояснить. Вернемся к работам В.И. Молчанова, который пишет, что эти понятия Э. Гуссерль вводит в связи с рефлексивным анализом любых многообразных переживаний и их сочетанием, при этом, согласно Э. Гуссерлю, такой рефлексивный анализ может продолжаться бесконечно, однако, «если объектом рефлексии выступает структура сознания, рефлексия ... очень скоро становится невозможной. Рефлексия наталкивается на неко-

торый «слой» в сознании, который представляет собой «до-интенциональное поле», т. е. поле чистой возможности интенций, и полагает тем самым свой собственный предел» [12. С. 126].

Таким образом, абсолютный поток сознания (абсолютную субъективность), можно рассматривать, во-первых, как некоторый общий фон, в котором конституируются предметы и явления, и, во-вторых, как своеобразную систему отсчета для любого процесса, в котором осознается предмет, при этом собственно «абсолютность» понимается в том плане, что эта система отсчета имеет место в *любом* процессе осознания предмета. Важно, что сам Э. Гуссерль не считал абсолютную субъективность темпоральным явлением; согласно ему «субъективное время конституируется в абсолютном вневременном сознании, которое не есть объект» [10. С. 128]. В.И. Молчанов отмечает, что сам этот поток не является последовательностью временных фаз, в нем отсутствует время, в чем и состоит его абсолютность. Однако, «абсолютный поток – это чистая возможность движения и времени (имеется в виду, конечно, время-сознание), возможность, из которой, по выражению Гуссерля, «выпрыгивает» *«теперь-точка»* (здесь и далее выделено мной. – Г.П.), *ретенциальные и протенциальные фазы*. Причем, *поток создает возможность* не каких-то абстрактных временных фаз, а фаз, которые относятся к определенным временным объектам... он открыт для конституирования временных объектов и последовательностей любого рода. Таким образом, по Гуссерлю, *временные единства во внутреннем времени могут образовываться только благодаря чему-то квазивременному, что обозначено в «Лекциях...» как абсолютная субъективность»* [12. С. 121].

С нашей точки зрения, введение понятия *ретенции* (или акта «ретенция-Теперь-протенция»), возможно, и позволяет объяснить, как в точке «Теперь» конституируется воспринимаемый временной объект (как длительность объекта «собирается, стягивается» в одну точку), но не позволяет установить какие-либо временные характеристики этого «стягивания» (или схватывания). Более того, для самого воспринимающего субъекта временные характеристики воспринимаемого объекта (тем более имманентного) в точке «Теперь» (в «миге настоящего») вряд ли можно назвать осознанными. Э. Гуссерль анализирует, как сознание конституирует темпоральные свойства воспринимаемых предметов, но ничего не говорит о том, как и почему сама «Теперь-точка» впервые осознается («выпрыгивает», по выражению Э. Гуссерля, из абсолютного вневременного сознания) и каковы темпоральные свойства самой «Теперь-точки»? Очевидно, все эти вопросы возникают еще и потому, что Э. Гуссерль очень широко понимает само *сознание* (отсутствует единая, точная дефиниция этого понятия). О довольно свободном оперировании понятием «сознание» говорит хотя бы выражение «пустое ретенциальное сознание» [10. С. 29], которое он употребляет при обсуждении *сознания* явлений имманентных объектов; в этом выражении большое недоумение вызывает сочетание слов «пустое... сознание»; с психологической точки зрения это нонсенс, да и само сочетание «ретенциальное сознание» можно толковать по-разному (это – память? или все же сознание?). Кроме того, такие психические процессы, как *представление, восприятие и память*, по Э. Гуссерлю, – это первичные темпоральные модусы сознания (по сути все психологические понятия сводятся к сознанию). Всё это создает определенные трудности в понимании его теории.

Можно высказать гипотезу о том, что абсолютное вневременное сознание (по Э. Гуссерлю) представляет собой бессознательный процесс, существующий как поле коллективного или личного бессознательного, а сам *момент осознания* («выпрыгивание», по выражению Э. Гуссерля, «Теперь-точки» из абсолютного вневременного сознания и проявляющийся в виде акта «ретенции-Теперь-протенции»), – это и есть синтез схватывания в созерцании (*аппрегензии*, по И. Канту), когда *всё многообразие*, имеющееся в любом представлении, *осознается как единство*, как воздействующий предмет или явление (неважно, внешнее или внутреннее). Обоснованием высказанной гипотезы могут служить следующие тезисы.

И. Кант писал: «Всякое наглядное представление (даже то, которое исходит из внутреннего чувства души. – Г.П.) содержит в себе многообразие... *Чтобы из этого многообразия получилось единство наглядного представления* (здесь и далее выделено нами. – Г.П.)..., *необходимо*, во-первых, /обозреть многообразие и собрать его вместе); этот акт я называю синтезом аппрегензии, так как он направлен прямо на наглядное представление, которое, правда, доставляет многообразие, но без помощи синтеза никогда не может произвести многообразия, как такового, и притом содержащегося в одном представлении» [11. С. 135]. Далее он подчеркивает: «Этот синтез аппрегензии должен производиться также и *a priori*, т. е. в отношении представлений, имеющих неэмпирический характер. Иначе, без него мы бы не могли иметь *a priori* ни представления пространства, ни

представления времени, так как *они могут быть произведены только посредством синтеза многообразия, доставляемого чувственностью в ее первоначальной восприимчивости* (выделено нами. – Г.П.). Следовательно, существует (*haben wir*) чистый синтез аппрегензии» (А 100, там же).

В подтверждение высказанной выше гипотезы говорит, во-первых, то, что сам Э. Гуссерль не считал абсолютную субъективность темпоральным явлением, а, во-вторых, то, что в этом потоке создается *возможность* (подчеркнём не больше и не меньше, как только возможность) конституирования любых временных объектов и последовательностей любого рода. А выражение Э. Гуссерля, что из абсолютного потока *«выпрыгивает» «теперь-точка», а также ретенциальные и протенциальные фазы, можно понимать как процесс конституирования (момент осознания, момент возникновения) «теперь-точки».* Следует привести еще третий аргумент в обоснование этой гипотезы. Гуссерль пишет: *«По отношению к предельному конституирующему сознанию больше нельзя говорить о времени (здесь и далее выделено нами. – Г.П.). Вместе с первичными ощущениями, которые вводят ретенциальный процесс, конституируется изначально одновременность, например, цвета и тона, бытие этой одновременности в некотором «актуальном Теперь», однако сами первичные ощущения не являются одновременными (здесь и далее выделено нами. – Г.П.), а фазы потокообразного До-Сразу мы и по-прежнему не называем одновременными фазами сознания, подобно тому как мы не можем назвать последовательность (Nacheinander) сознания временной последовательностью (Zeitfolge)»* [10. С. 83]. Очевидно, что и сами первичные ощущения, и фазы «потокообразного До-Сразу», как и само «предельно конституирующее сознание», – следует всё же отнести к бессознательным феноменам (к полю личного бессознательного).

Если принять тезис о том, что абсолютный поток сознания представляет собой поле личного бессознательного, то можно предположить также, что такие индикаторы временных различий, которые представлены в «первичных формах сознания», как длительность, последовательность, одновременность, относятся к атрибутам, которые изначально формируются на уровне бессознательных процессов (и именно их призван выделить акт *аппрегензии*, или схватывания, при конституировании *Теперь-точки*), а такие модусы времени, как настоящее, прошлое и будущее, – это и есть *временные* атрибуты собственно сознания (по большей части описывающие время в объективной действительности). Как отмечает А.Н. Гусев, до сих пор остается актуальной и недостаточно исследованной проблема, которую более полувека назад описал Г. Вудроу: *«Вопрос о том, являются ли психические переменные, такие, как длительность или протяженность, непосредственными качествами нашего восприятия временных стимулов или психических процессов вообще, не нашла еще своего решения»* (цит. по: [19. С. 237]).

Исходя из приведенного выше анализа философских концепций сознания времени можно сделать следующие общие выводы.

1. Во всех рассмотренных концепциях такие понятия, как: сознание, память, восприятие, воображение, представление и другие, не имеют чётких дефиниций и могут менять свой смысл в зависимости от контекста (причем, как внутри каждой отдельной концепции, так и при сравнении их между собой). Возможно, это связано с тем, что И. Кант и (в первую очередь) Э. Гуссерль исключают психологический подход к исследованию времени.

2. В рассмотренных концепциях И. Канта и Э. Гуссерля существует строгое разделение в подходах к изучению времени; выделяются две его области проявления: внутренняя, относящаяся к сознанию (шире – к психике) человека, и внешняя, относящаяся к объективной действительности. Отдельно стоит концепция времени Ф. Brentano, где не только не исключается психологический взгляд на феномен времени, но и нет такого четкого разделения на «объективное» и «субъективное» время. Здесь следует вернуться к его высказыванию (цитированному выше) о том, что «будущее, как и все отдаленные части прошлого, представимы лишь *понятийно*, несозерцательно. Поэтому несомненно, что ... темпоральные определения ... *Мы получаем подобно другим определениям из конкретных видов опыта, с которых начинается возникновение нашей психической жизни*». Принимая во внимание этот тезис Ф. Brentano, можно выделить достаточно четкий критерий, позволяющий различить сознательный уровень проявления времени (отделить его от бессознательного): уровень, на котором *попадают понятия*, – это сознательный уровень оценки времени (к этому уровню и относятся временные модусы – прошедшее, настоящее и будущее). При этом неважно, какой объект мыслится нами, внутренний или трансцендентный, если мы определили его как некоторое понятие, то это – осознанный уровень его восприятия и никакие «ретенциальные» акты, с психологической точки зрения,

не имеют здесь особого эмпирического значения. В то же время длительность, последовательность и одновременность, представленные в «первичных формах сознания», изначально формируются на бессознательном уровне, для которого характерно то, что «порядок связей, которые могут быть обнаружены в переживаниях как подлинных имманентностях, не встречаются в эмпирическом, объективном порядке, они не согласуются с этим порядком» [10. С. 8].

3. Поскольку все вещи и явления в объективной действительности занимают определенное место в пространстве, об «объективном действии времени» мы судим только по изменениям, которые с ними происходят (например, наблюдая как изменяется наше тело, мы полагаем, что оно изменяется с течением времени; говорим, что нам отведен определенный отрезок времени). Согласно Л.М. Веккера, «Проекция, или локализация, как отображение места в пространстве есть воспроизведение координаты в определенной системе отсчета относительно ее начала. Но неизменная координата явно представляет собой частный случай меняющегося места, т. е. перемещения, или изменения пространственной координаты во времени. Поэтому теоретически есть все основания ожидать, что исходной характеристикой пространственно-временной структуры ощущения (как элементарного психического акта. – Г.П.), детерминирующей в качестве своих производных собственно пространственные и собственно временные ее компоненты, должно быть отображение движения как *единого пространственно-временного свойства объектов, отображаемых в ощущении* (выделено нами. – Г.П.)» [4. С. 50].

Следует отметить тот факт, что все философские концепции, посвященные исследованию времени, так или иначе одновременно затрагивают и проблему восприятия пространства. Именно по изменению вещи (или явления) в пространстве можно судить о тех или иных характеристиках времени, поэтому правильнее было бы говорить не о пространстве и времени, а о некотором континууме «пространства-времени», даже тогда, когда мы размышляем о субъективном времени. Только в таком аспекте все привычные нам характеристики времени приобретают какой-то эмпирический смысл. Здесь уместно привести еще один аргумент в защиту высказанной гипотезы. Попробуем ответить на вопрос: можно ли говорить, что сознание (шире – психика) обладают какими-либо пространственными атрибутами? Скорее всего, ответ будет отрицательным. Но, если сознание и психика внепространственны, то о каких *временных* атрибутах может идти речь в данном аспекте? Видимо, только о тех, которые были обозначены нами как «настоящее прошлое», «настоящее» и «настоящее будущее».

Таким образом, главный предварительный вывод, который можно сделать из анализа философских концепций времени, сформулируем так: *о существовании времени можно говорить только тогда, когда мы оперируем понятиями; вне этого само понятие «время» теряет смысл*. Последнее относится к коллективному и личному бессознательному, где понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее» не имеют значения, поскольку *всё многообразие всего представлено в поле бессознательного одновременно и внепространственно*.

Отметим, что такую же одновременность и внепространственность можно наблюдать и в субъективном времени, в тех процессах, когда мы мыслим о ком-то или о чем-то, вспоминаем что-то или кого-то, планируем что-то, – всё это происходит в одном и том же времени: в настоящем. Не вызывает сомнений, что каждый человек в своем сознании может «посетить» любой момент своей жизни, как в прошлом, так и, вероятно, в будущем. Известно же, что мы помним всё, и требуются только особые техники или особые состояния психики, чтобы мы могли вспомнить, более того – пережить заново, любой отрезок нашей жизни в прошлом. Что касается будущего, то и оно может открываться нам при определенных условиях (достаточно, например, упомянуть феномен синхроничности, описанный К. Юнгом [23]).

Можно полностью согласиться с В.И. Молчановым, когда он пишет, что после трудов бл. Августина, И. Канта и Э. Гуссерля объективное время уже вряд ли следует считать чем-то субстанциальным [12]. Однако в этом аспекте необходимо проанализировать, как трактуют понятие «время» естественные науки.

В современном естествознании существует понятие «стрелы времени», представляющее с научной точки зрения фундаментальную проблему. Коротко суть этой проблемы можно описать следующим образом. Не только в гуманитарных, но и в естественных науках (биологии, химии, физике и др.) различия между настоящим, будущим и прошлым играют существенную роль и не могут не учитываться при разработке различных теорий. Однако парадокс состоит в том, что основополагающие законы физики, начиная от *классической* физики, теории относительности и заканчивая *квантовой* физикой, не содержат в себе никаких различий между прошлым и будущим, то есть, все эти законы обладают,

так называемым свойством обратимости. Этот факт позволяет многим физикам утверждать, что на фундаментальном уровне описания природы время не имеет направления (по сути, время *отсутствует*). Это противоречие и составляет одну из центральных проблем современной науки.

Любой человек, наблюдая объективную действительность (внешний мир), никогда не подвергает сомнению существование «стрелы времени», однако это сомнение отсутствует только на уровне обыденного сознания. В науке дело обстоит не так просто: в отношении «стрелы времени» существуют две противоположные точки зрения, изложенные в двух разделах (областях) современной физики: первый подход отражен в общей теории относительности и квантовой физике, где, как отмечает Б. Грин [7. С. 22], известные и признанные законы физики проявляют свойство обратимости, то есть любое направление во времени: в будущее или в прошлое – трактуется законами без отличий.

Второй подход изложен в физике неравновесных процессов, в рамках которой вводятся и рассматриваются такие новые понятия, как «самоорганизация» и «диссипативные структуры», нашедшие широкое применение в космологии, химии, биологии, экологии и ряде социальных наук; при этом физика неравновесных процессов опирается на понятие «стрелы времени» и по-новому интерпретирует термин «необратимость» [14. С. 10]. Отметим, что автором второго подхода, фактически создателем физики неравновесных процессов, был И.Р. Пригожин, бельгийский физик российского происхождения, лауреат Нобелевской премии.

Рассмотрим более подробно эти подходы, поскольку их понимание позволит нам лучше понять психологический аспект проблемы объективности сознания времени.

Остановимся сначала на классических законах естествознания. Хорошо известно, что классическая физика (Ньютона), общая теория относительности (Эйнштейна) и квантовая физика построены на законах *детерминизма* и в целом постулируют устойчивость и определенность объективной действительности. Здесь следует оговориться относительно законов квантовой физики, хотя она и оперирует категорией «вероятность» для описания поведения элементарных частиц, тем не менее, основное уравнение квантовой физики – уравнение Шредингера, описывающее волновую функцию частиц, исходя из матрицы плотности вероятности, если так можно выразиться, «теряет свою вероятность» в момент измерения (что и составляет основной парадокс, или основную проблему, квантовой физики). Существующие и, пока еще доминирующие в современной науке о природе законы, позволяют, опираясь на прошлое, предсказывать будущее или, в свою очередь, по будущему реконструировать прошлое. Такое предсказание или реконструкция возможны вследствие того, что, во-первых, большинство основных законов физики обладают свойством обратимости относительно категории времени, а, во-вторых, современная наука всё еще базируется на принципе детерминизма, как фундаментальном.

Как отмечает Б. Грин, «...законы физики, которые были сформулированы Ньютоном, затем Максвеллом и Эйнштейном и до сегодняшних дней *демонстрируют полную симметрию между прошлым и будущим*. Нигде, ни в одном из этих законов, мы не найдем оговорки, что они применимы в одном направлении во времени, но не в другом. Нигде нет никакого различия между тем, как законы выглядят или ведут себя, когда они применяются к тому или иному направлению времени. *Законы рассматривают то, что мы называем прошлым и будущим, совершенно одинаково* (выделено нами. – Г.П.). Хотя опыт снова и снова выявляет направление, в котором события разворачиваются во времени, эта стрелка, кажется, не находится в фундаментальных законах физики» [7. С. 150]. Фактически, физические законы говорят о том, что время как некоторая физическая величина не существует.

Таким образом, положение дел в официальной науке вступает в явное противоречие с обыденным здравым смыслом, поскольку наше восприятие времени дает нам четкое представление о том, что существуют и прошлое, и настоящее, и будущее. Любой человек легко различает эти три вида времени, для любого – прошлое всегда однозначно, а будущее предоставляет нам много возможностей.

Другой существенной особенностью восприятия времени является то, что на феноменологическом уровне для каждого человека оно представляется как непрерывное, «текущее», как поток, и эту непрерывность времени можно обозначить как его вторую важнейшую характеристику. Важно, что и она тоже ставится под сомнение принципиальным фактом, установленным в квантовой механике и космологии, где было доказано, что пространство не обладает такими привычными и очевидными для человека свойствами, как способность разделять и ограничивать объекты действительности (что, в частности, доказывает феномен ЭПР). Кроме того, в своей специальной теории относительности (СТО) А. Эйнштейн показал, что абсолютного пространства, так же, как и абсолютного времени, не существует. Можно говорить лишь об абсолютном «пространстве-времени». Именно поэтому «никто

не нашел в рамках законов физики убедительных улик, которые бы подтвердили интуитивное ощущение, что время течет. Фактически переработка некоторых выводов Эйнштейна из СТО делает очевидным, что время не течет» [7. С. 139].

Итак, детерминистический характер физических законов в сочетании с восприятием человеком направленности и текучести времени создает вполне *определенную, устойчивую и прогнозируемую, в известных пределах, картину мира (объективной действительности)*. Отметим, что, собственно говоря, на этих законах и базируются два основных понятия классической психологии: понятия «интериоризация» и «экстериоризация».

Теперь рассмотрим *альтернативный подход к описанию картины мира, предложенный И. Пригожиным*. Обсуждение целесообразно начать с высказывания самого И. Пригожина, достаточно точно характеризующего суть этого подхода к описанию картины мира и его позицию по отношению к существующим физическим законам. Он пишет: «Мы в состоянии получить формулировку законов природы, пригодную для описания нашей эволюционирующей Вселенной, – описания, включающего в себя стрелу времени, так как прошлое и будущее не играют более в нем симметричные роли. В классической картине мира, в которую мы включаем квантовую механику и теорию относительности, законы природы выражают определенность. При заданных подходящих начальных условиях мы можем с определенностью предсказывать будущее или восстанавливать прошлое. Но коль скоро *картина мира включает в себя неустойчивость* (здесь и далее выделено нами. – Г.П.), мы оказываемся в совершенно иной ситуации, и *смысл законов природы коренным образом изменяется, ибо теперь они выражают возможности, или вероятности*» [14. С. 11].

Согласно И. Пригожину [14; 15], введение в научные исследования понятия «нестабильности» связано не только с открытием неравновесных (диссипативных) структур, возникающих как следствие необратимых процессов, в которых самопроизвольно устанавливаются системные связи, но и происходящей из этого открытия концепции о конструктивной роли времени в функционировании таких структур. Кроме того, исследование динамических нестабильных систем лишает детерминизм его доминирующей роли в науке. Во всех своих работах [14-17], в противоположность устоявшимся научным взглядам, И. Пригожин отстаивает идею фундаментальной нестабильности, непредсказуемости материи. Вопреки сложившемуся представлению о том, что увеличение энтропии ведет к увеличению беспорядка, он, исследуя диссипативные структуры, доказывает, что порядок и беспорядок могут возникать и существовать одновременно, как два разных аспекта единого целого.

При таком подходе к научному описанию объективной действительности центральным становится представление о ее *неравновесности*: именно она открывает уникальные возможности возникновения принципиально новых событий и объектов, «в любой момент времени может возникнуть новый тип решения, не сводимый к предыдущему, а в точках смены типов решений – в точках бифуркации – может происходить смена пространственно-временной организации объекта» [15. С. 50]. И далее, «Как нам теперь достоверно известно, именно с помощью необратимых процессов, связанных со стрелой времени, природа создает свои наиболее тонкие и сложные структуры. Жизнь возможна только в неравновесном мире. Неравновесность приводит нас к таким понятиям, как самоорганизация и диссипативные структуры» [14. С. 29]. Ко всему вышесказанному можно добавить, что И. Пригожин придерживался той точки зрения, что время существовало всегда (и до Большого взрыва) и не имеет ни начала ни конца.

Можно заметить, что различия в подходах к описанию категории времени очень существенны. Единственное, что объединяет эти различные физические концепции, – то, что они описывают одну и ту же *объективную реальность* (куда естественно относится не только окружающая человека предметная действительность, но и Вселенная).

Выше мы упоминали о том, что в космологии и квантовой физике отдельного понятия *времени* вообще не существует – есть понятие «пространства-времени»; такое же положение имеет место и во всех рассмотренных выше философских концепциях, что для феноменологии сознания времени имеет важное значение.

Однако, прежде чем продолжить дальнейший анализ проблемы времени (в любом аспекте: и объективном, и субъективном), следует определиться с понятием «реальность»: что мы должны подразумевать под реальностью? Более того, с нашей точки зрения, это один из центральных вопросов, не ответив на который, вообще нельзя понять и объяснить проблему времени.

В квантовой физике (точнее – в квантовой теории информации) принято оперировать понятием «квантовой реальности» (что можно трактовать как Универсум), в физике неравновесных процессов, согласно И. Пригожину, Вселенная является открытой системой, погруженной в квантовый вакуум [17]. Таким образом, в современной физической науке, несмотря на существенную разницу в ее описании (в разных областях) понимание реальности примерно одинаковое.

Однако в данном случае нас интересует психологический подход к пониманию реальности, поэтому будем исходить из собственной концепции реальности, позволяющей учесть последние достижения физических наук. Выделяются три ее вида: «Предельная реальность» (или Универсум, по своей сути подобный понятию «квантовой реальности»); «Субъектная реальность» (в которой существует самосознание человека) и «Объективная действительность» (или наблюдаемая Вселенная, в которой, собственно, и существует человек, как личность) [18].

Крайне интересная (для психолога) точка зрения на «течение» времени представлена в работе Б. Грина. В частности, он пишет, «Мы все находимся *внутри пространства-времени*. Каждое событие, ощущаемое нами, всегда происходит в некотором месте пространства в некоторый момент времени. ... (поэтому) всё пространство-время, включает в себя всю совокупность таких событий – ваших, моих, а также всех прочих (когда-либо происходивших на планете Земля. – Г.П.)» [7. С. 140]. Как метафору, описывающую процесс интуитивного ощущения человеком течения времени, он рассматривает фильмопроектор: «Мы можем вообразить свет, освещающий один временной слой за другим, оживляя на мгновение слой в настоящем, – делая сам слой на мгновение настоящим, – только чтобы тотчас отпустить его снова в темноту, когда свет перейдет к следующему слою... Однако повторим, что, хотя этот образ (фильмопроектора. – Г.П.) кажется соответствующим ощущениям, ученые не в состоянии найти в законах физики что-либо, что воплощало бы такое перемещающееся световое пятно. Они не обнаружили физического механизма, который бы выделял момент за моментом, делая его на мгновение реальными, – превращая момент в настоящее, – как механизм, продвигающийся вперед к будущему» (там же. С. 141). Отсюда он утверждает, что, хотя такое описание кажется нереальным, тем не менее «имеются убедительные свидетельства, что пространственно-временной блок – полное пространство-время, а не последовательность сечений одно за одним, – реален... *Хотя понятие настоящего играет центральную роль в нашем мировоззрении, теория относительности еще раз ниспровергает нашу интуицию и объявляет, что каждый момент времени столь же реален, как и любой другой* (выделено нами. – Г.П.)» (там же).

Фактически это означает, что *реальность* содержит в себе одновременно (!) все события, произошедшие или происходящие в прошлом, в настоящем и в будущем. Но о какой же реальности (или реальностях) идет речь в данном случае? Можно высказать гипотезу о том, что такая трактовка времени хорошо описывает то, что составляет суть «Предельной реальности» и «Субъектной реальности», а также сопряженными с ней личным бессознательным, содержащим *весь* опыт личности, и только наше Я «проявляет» наше прошлое, настоящее, а иногда и будущее.

В подтверждение этой гипотезы свидетельствуют и многочисленные исследования по трансперсональной психологии С. Грофа [8; 9], так и исследования физиков. В частности, можно привести еще одну цитату Б. Грина: «В рамках такого мышления события независимо от того, когда они происходят с любой частной точки зрения, просто *есть*. Все они существуют. Они вечно занимают их особое положение в пространстве-времени. Здесь нет течения (выделено нами. – Г.П.). Если вы провели замечательное время в момент полуночи накануне нового 1999 года, вы всё еще там, поскольку это просто одно неизменное место в пространстве-времени (выделено нами. – Г.П.). Трудно принять такое описание, поскольку наше мировоззрение жестко проводит различие между прошлым, настоящим и будущим. Но если мы внимательно посмотрим на эту привычную темпоральную схему и противопоставим ей холодные упрямые факты современной физики, то *единственный приют для привычных представлений, кажется, находится в человеческом сознании* (выделено нами. – Г.П.)» [7. С. 149].

Таким образом, согласно современным физическим теориям, вся информация, когда-либо и каким-либо способом порожденная в «пространстве-времени» объективной действительности, сохраняется навсегда в том, что в физике квантовой информации называется Универсумом, или – с психологической точки зрения – в коллективном бессознательном (как части Универсума). Надо отметить, что приведенные здесь тезисы, высказанные Б. Грином, отражают позицию большинства современных физиков, работающих в областях космологии и квантовой физики.

Современные исследования в этих областях поразительным образом совпадают с выводами блаженного Августина, сделанными им в начале первого тысячелетия. В частности, он пишет: «...мы обычно предварительно обдумываем будущие действия наши, и это предварительное *обдумывание происходит в настоящем* (здесь и далее выделено нами. – Г.П.); самого же действия, заранее обдуманного, еще нет: оно в будущем. Когда мы приступим к нему и начнем осуществлять предварительно обдуманное, тогда только действие и возникает, ибо тогда *оно уже не в будущем, а в настоящем*... когда о будущем говорят, что его «видят», то видят не его – будущего еще нет, – а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, *а настоящее представляет видящим*, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме» [1. С. 186]. И далее: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – *настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего*» (выделено мной. – Г.П.) (Там же).

Таким образом, время может восприниматься только в связи с пространством, нет пространств – нет времени! Вот поэтому, когда мы мыслим какой-то объект (а сознание внепространственно), то в качестве «заменителя» пространства используем нашу память, или, по Э. Гуссерлю, – ретенцию. Мы отслеживаем не изменение положения мыслимого объекта в пространстве, а его изменения, в сравнении с тем, что хранится в нашей памяти (или первичной памяти – *ретенции*). Сознание – это не «вещь», очевидность этого трудно оспорить, оно не занимает места во Вселенной, место занимает его «носитель» – человек. Время мыслится сознанием и, по сути, мыслится всегда в настоящем (даже когда мы думаем о прошедшем или будущем). Мое сознание – это всегда осознанный «поток», и он всегда «протекает» в Теперь-точке! Когда мы задумываемся, наше мышление переходит на уровень бессознательного, но, подыскивая слова, чтобы сформулировать (осознать) очередную мысль, мы всё равно находимся в настоящем: в *Теперь-точке*.

В чем же конкретно проявляется вневременная характеристика психики? Для ответа на этот вопрос сошлемся на суть понятий «я» и «личность» уже рассмотренные ранее [18]. Очевидно, что из всего временного континуума (условно определяемого модусами *настоящее, прошлое и будущее*) актуально присутствует в объективной действительности только та часть нашего «я», которая проявляется в миге настоящего; в миге, являющемся своеобразной гранью между тем, чего *уже* нет, и тем, чего *еще* нет; и этот миг настоящего не мог бы существовать сам по себе, если бы самосознание не обладало свойством *трансцендирования* как выхода (соучастия), «проникновения» в прошлое и будущее. Как писал С.Л. Франк: «я «есть» только потому, что *имею* нечто удаленное от актуального бытия настоящего момента... то, что мы называем «я» – самобытие субъекта – в строгом смысле слова совсем не есть чистая имманентность, т. е. *не наличествует актуально в опыте в своей полноте* (выделено нами. – Г.П.). Ибо под «я» мы разумеем *времяобъемлющее единство личности* – некоего носителя реальности, который пребывает на всём временном протяжении нашей жизни, объемля прошлое, настоящее и будущее; *вне единства, объемлющего поток времени*, идущий из прошлого через настоящее в будущее, «я» *немыслимо*» (цит. по: [18. С. 50-51]).

Из этого следует, что именно «я» человека, представляя собой вневременную реальность, является той «*времяобразующей*» сущностью, которая «*порождает*» личность. То, что мы называем «личностью», существует только на протяжении нашей жизни. Можно сказать, что *личность – это временной параметр «я»*. Образно выражаясь, личность дается нам для того, чтобы человек (субъект) мог проявить себя в объективной действительности, прочувствовать «протяженность» своей жизни (возможно понять её смысл и учесть её ограниченность), в то время как «я» (как часть самосознания) существует в субъектной реальности всегда [18].

Следует рассмотреть еще один важный аспект сознания времени – «миг» настоящего (или *Теперь-точку*, по Э. Гуссерлю), и попытаться дать ответ на вопрос, какова его длительность? Здесь уместно отметить, что психологическая проблема «мига настоящего» стоит в одном ряду с философскими проблемами осмысления «Ничто», чему были посвящены труды таких великих философов, как Г.В.Ф. Гегель [6], М. Хайдеггер [22; 23], Ж.П. Сартр [20], – и проблемой «Небытия» [21].

Рассуждение на уровне «здорового смысла» говорит о том, что в пределе эта длительность равна нулю. Если условно представить числовую ось, где на ее полюсах расположены прошлое и будущее, то приближение с обеих сторон к нулю можно сравнить с приближением к мигу настоящего со сто-

роны прошлого и со стороны будущего. Тогда в измерительном плане миг настоящего будет равен нулю. Дальнейшая интерпретация этого «нуля» зависит от того, в рамках какой методологической концепции мы будем его трактовать.

С точки зрения классической психологии длительность *миг настоящего* – это тот промежуток времени, в котором личность воспринимает воздействующий на нее стимул как совершающийся в настоящий момент времени («порог нерасчлененной длительности») и который в психологии связывается с временной продолжительностью внимания. В таком понимании его можно измерить объективными средствами, в частности, как полагал Э. Титченер, настоящий момент времени составляет от 2,3 до 12 с. [19]. Кроме того, восприятие момента времени как настоящего связано еще и с таким атрибутом воздействующих стимулов, как их «целостность» [2; 4; 5; 19], однако само понимание «целостности» также представляет собой определенную философскую проблему (обсуждение которой не составляет нашей цели).

В рамках методологии неклассической психологии миг настоящего (как «ноль») можно интерпретировать как вневременную субъективную реальность, содержащую в себе весь опыт личности (кстати, феномен синхронизма (по К. Юнгу [24]) поэтому и возможен, что в поле личного бессознательного время, как и пространство, отсутствует).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин. СПб.: Наука, 2013. 379 с.
2. Болотова А.К. Психология организации времени: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 254 с.
3. Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды / пер. с нем. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2018. 629 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл 1998. 685 с.
5. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987. 336 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. 4-е изд. М.: Академический проект, 2018. 494 с.
7. Грин Б. Ткань космоса: Пространство, время и текстура реальности. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 608 с.
8. Гроф С. Человек перед лицом смерти / Станислав Гроф, Джоан Хэлифакс. Изд-во Трансперсонального Института. М.: AlrLand, Киев, 1996. 150 с.
9. Гроф С. Величайшее путешествие: сознание и тайна смерти. М.: Ганга, 2015. 560 с.
10. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 163 с.
11. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
12. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. 456 с.
13. Молчанов В.И. Две лекции о Брентано. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/04.htm (дата обращения 29.01.2019).
14. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 208 с.
15. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2014. 240 с.
18. Прыгин Г.С. Неклассическая психология: психология субъектной реальности. Монография. Наб. Челны: Изд-во НГПУ, 2018. 268 с.
19. Общая психология: в 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б. С. Братуся. Т. 2: Ощущение и восприятие. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 416 с.
20. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Изд-во АСТ, 2017. 928 с.
21. Солодухо Н.М. Понимание онтологического статуса небытия. URL: https://izvestija.kgasu.ru/files/N1%285%292006/Soloduhu_126-128.pdf (дата обращения: 28.01.2019).
22. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1999. 447 с.
23. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
24. Юнг К.Г. Об энергетике души / Пер. с нем. В.М. Бакусева. 3-е изд. М.: Академический проект, 2013. 280 с.

Прыгин Геннадий Самуилович, доктор психологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»
423806, Россия, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28
E-mail: gsprygin@mail.ru

G.S. Prygin

CONSCIOUSNESS AND TIME. IS SUBJECTIVE TIME OBJECTIVE?

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-2-177-188

We study the problems of time consciousness from the standpoint of philosophy, physics and psychology; it is argued that such a sequence in the analysis of the problem allows us to reveal the actual psychological aspect of the problem of the objectivity of the consciousness of time, which is the goal of the study. Both the philosophical concepts of the time consciousness of I. Kant, E. Husserl and F. Brentano, and the physical theories of the study of time (quantum physics, cosmology, the physics of non-equilibrium processes) are analyzed. It has been established that in philosophical theories, the concepts: consciousness, memory, perception, representation, and others do not have clear definitions and can change their meaning depending on the context. It is emphasized that in physical and human sciences time is investigated, as a rule, in connection with the concept of "space". It is shown that when analyzing the problem of the consciousness of time, one should first decide on the concept of "reality", which allows us to remove contradictions in the understanding of time in various physical theories.

It is concluded that the existence of both objective and subjective time can only be spoken when we operate with concepts; outside of this the concept of "time" has meaning only when a person is considered as part of society. It is shown that in relation to the collective and personal unconscious, the temporal modes of the "past", "present" and "future" do not make sense, since "the whole diversity of everything" is represented in the unconscious field simultaneously and extra-spatially.

Keywords: consciousness, subjective time, objective time, phenomenology, space-time, retention, protention, modes of time, reality.

Received 17.02.2019

Prygin G.S., Doctor of Psychology, Professor
Naberezhnochelninsky State Pedagogical University
Nizametdinova st., 28, Naberezhnye Chelny, Russia, 423806
E-mail: gsprygin@mail.ru